

Л. Н. Толстой

"Одумайтесь!"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
"Одумайтесь!" / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 66 с.

ISBN 978-5-458-12779-0

(Приложение). Резолюция о войне группы христиан депутатов Всероссийского Крестьянского Совета.

ISBN 978-5-458-12779-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

всему живому, а въ жертвоприношеніяхъ идоламъ, и такой же бѣдняга тульскій, нижегородскій, полуграмотный малый, которому внушено, что христіанство состоитъ въ поклоненіи Христу, Богородицѣ, святымъ и ихъ иконамъ, — можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вѣковымъ насиліемъ и обманомъ до признанія величайшаго преступленія въ мірѣ—убійства братьевъ—доблестнымъ дѣломъ, могутъ совершать эти страшныя дѣла, не считая себя въ нихъ виноватыми. Но какъ могутъ такъ называемые просвѣщенные люди проповѣдывать войну, содѣйствовать ей, участвовать въ ней, и, что ужаснѣе всего, не подвергаясь опасностямъ войны, возбуждать къ ней, посылать на нее своихъ несчастныхъ, обманутыхъ братьевъ? Вѣдь не могутъ же эти, такъ называемые, просвѣщенные люди, не говоря уже о христіанскомъ законѣ, если они признаютъ себя его исповѣдниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Вѣдь потому они и считаются просвѣщенными людьми, что они знаютъ все это. Большинство изъ нихъ сами писали или говорили объ этомъ. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваленіе Гаагской конференціи, о всѣхъ книгахъ, брошюрахъ, газетныхъ статьяхъ, рѣчахъ, трактующихъ о возможности разрѣшенія международныхъ недоразумѣній международными судилищами, всѣ просвѣщенные люди не могутъ не знать того, что всеобщія вооруженія государствъ другъ передъ другомъ неизбежно должны привести ихъ къ безконечнымъ войнамъ или къ всеобщему банкротству, или къ тому и другому вмѣстѣ; не могутъ не знать, что кромѣ безумной, безцѣльной траты миллиардовъ рублей, т. е. трудовъ людскихъ на приготовленія къ войнамъ, въ самыхъ войнахъ гибнутъ миллионы самыхъ энергическихъ, сильныхъ людей, въ лучшую для производительнаго труда пору ихъ жизни (войны прошлаго столѣтія погубили 14.000.000 людей). Не могутъ просвѣщенные люди не знать того, что поводы къ войнамъ всегда такіе, изъ-за которыхъ не стоитъ тратить не только одной жизни человѣческой, но и одной сотой тѣхъ средствъ, которыя расходуются на войну (за осво-

божденіе негровъ истрачено во много разъ больше того, что стоилъ бы выкупъ всѣхъ негровъ юга). Всѣ знаютъ, не могутъ не знать главнаго, что войны, вызывая въ людяхъ самыя низкія, животныя страсти, развращаютъ, озвѣряютъ людей. Всѣ знаютъ неубѣдительность доводовъ, приводимыхъ въ пользу войнъ, вродѣ тѣхъ, которые приводилъ Де-Местръ, Мольтке и другіе, такъ какъ всѣ они основаны на томъ софизмѣ, что во всякомъ бѣдствіи человѣческомъ можно найти полезную сторону или на совершенно произвольномъ утвержденіи, что войны всегда были и потому всегда будутъ, какъ будто дурныя поступки людей могутъ оправдываться тѣми выгодами и пользой, которыя они приносятъ или тѣмъ, что они въ продолженіе долгаго времени совершались. Всѣ такъ называемые просвѣщенные люди знаютъ все это. И вдругъ начинается война, и все это мгновенно забывается, и тѣ самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безуміе войнъ, нынче думаютъ, говорятъ, пишутъ только о томъ, какъ бы побить какъ можно больше людей, разорить и уничтожить какъ можно больше произведеній труда людей, и какъ бы какъ можно сильнѣе разжечь страсти человѣконенавистничества въ тѣхъ мирныхъ, безобидныхъ, трудолюбивыхъ людяхъ, которые своими трудами кормятъ, одѣваютъ, содержатъ тѣхъ самыхъ, мнимо-просвѣщенныхъ людей, заставляющихъ ихъ совершать эти страшныя, противныя ихъ совѣсти, благу и вѣрѣ дѣла.

II.

И Микромегасъ сказалъ: „О, вы, разумные атомы, въ которыхъ вѣчное Существо проявило свое искусство и свое могущество, вы вѣрно пользуетесь частыми радостями на нашемъ земномъ шарѣ, потому что, будучи такъ мало матеріальны и такъ развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь въ любви и мышленіи, такъ какъ въ этомъ настоящая жизнь духовныхъ существъ. Я нигдѣ не видалъ истиннаго счастья; но оно здѣсь, несомнѣнно“.

На эту рѣчь всѣ философы покачали головами, и одинъ изъ нихъ, наиболѣе откровенный, сказалъ, что, за исключеніемъ малаго числа

мало уважаемыхъ жителей, все остальное население состоитъ изъ безумцевъ, злодѣевъ и несчастныхъ.

— „Въ насъ больше тѣлесности, чѣмъ нужно, если зло происходитъ отъ тѣлесности, и отъ слишкомъ много духовности, если зло происходитъ отъ духовности, сказалъ онъ. Такъ напримѣръ, въ настоящую минуту тысячи безумцевъ въ шляпахъ убиваютъ тысячи другихъ животныхъ въ чалмахъ или убиваемы ими, и такъ это ведется съ незапамятныхъ временъ по всей землѣ“.

— „Изъ-за чего же ссорятся эти маленькія животныя?

— „Изъ-за какого-нибудь маленькаго кусочка грязи, величиной съ вашу пятку,—отвѣчалъ философъ,—и ни одному изъ людей, которые рѣжутъ другъ друга, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до этого кусочка грязи. Вопросъ для нихъ только въ томъ, будетъ-ли этотъ кусочекъ принадлежать тому, кого называютъ султаномъ, или тому, кого называютъ кесаремъ, хотя ни тотъ, ни другой не видаль этого кусочка земли. Изъ тѣхъ же животныхъ, которыя рѣжутъ другъ друга, почти никто не видаль того животнаго, ради котораго они рѣжутся“.

— „Несчастные,—воскликнулъ Сиріецъ,—можно-ли представить себѣ такое безумное бѣшенство! Право, мнѣ хочется сдѣлать три шага и раздавить весь муравейникъ этихъ смѣшныхъ убійцъ“.

— „Не трудитесь дѣлать этого,—отвѣчали ему.—Онъ самъ заботятся объ этомъ. Впрочемъ, и не ихъ надо наказывать, а тѣхъ варваровъ, которые, сидя въ своихъ дворцахъ, предписываютъ убійства людей и велятъ торжественно благодарить за это Бога“.

Вольтеръ.

(Разговоръ жителя Сиріуса съ жителемъ земли).

Безуміе современныхъ войнъ оправдывается династическимъ интересомъ, національностью, европейскимъ равновѣсіемъ, честью. Этотъ послѣдній мотивъ самый дикій, потому что нѣтъ ни одного народа, который не осквернилъ бы себя всѣми преступлениями и постыдными поступками, нѣтъ ни одного, который не испыталъ бы всевозможныхъ униженій. Если же и существуетъ честь въ народахъ, то какой же странный способъ поддерживать ее войной, т. е. всѣми тѣми преступлениями, которыми безчеститъ себя частный человѣкъ: поджигательствомъ, грабежами, убійствомъ.

Анатоль Франсъ.

Дикій инстинктъ военнаго убійства такъ заботливо въ продолженіе тысячелѣтій культивировался и поощрялся, что пустилъ глубокіе корни въ мозгу человѣческомъ. Надо надѣяться, однако, что лучшее,

чѣмъ наше, человѣчество, сумѣетъ освободиться отъ этого ужаснаго преступленія.

Но что подумаетъ тогда это лучшее человѣчество о той такъ называемой утонченной цивилизаціи, которой мы такъ гордимся?

А почти тоже, что мы думаемъ о древне-мексиканскомъ народѣ и его канибализмѣ въ одно и то же время воинственномъ, набожномъ и животномъ.

Летурно.

Иногда одинъ властелинъ нападаетъ на другого изъ страха, чтобы тотъ не напалъ на него. Иногда начинаютъ войну потому, что непріятель слишкомъ силенъ, а иногда потому, что слишкомъ слабъ; иногда наши сосѣди желаютъ того, чѣмъ мы владѣемъ или владѣютъ тѣмъ, чего намъ не достаетъ. Тогда начинается война до тѣхъ поръ, покуда они захватятъ то, что имъ нужно, или отдадутъ то, что нужно намъ.

Джонатанъ Свифтъ.

Совершается что-то непонятное и невозможное и своей жестокости, лживости и глупости.

Русскій царь, тотъ самый, который призывалъ всѣ народы къ миру, всенародно объявляетъ, что, несмотря на всѣ заботы свои о сохраненіи дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшіяся захватомъ чужихъ земель и усиленіемъ войскъ для защиты этихъ захваченныхъ земель), онъ вслѣдствіе нападенія японцевъ, повелѣваетъ дѣлать по отношенію японцевъ то же, что начали дѣлать японцы по отношенію русскихъ, т. е. убивать ихъ; и объявляя объ этомъ призывъ къ убійству, онъ поминаетъ Бога, призывая Его благословеніе на самое ужасное въ свѣтѣ преступленіе.

То же самое по отношенію русскихъ провозгласилъ японскій императоръ. Ученые юристы, господа Муравьевъ и Мартенсъ, старательно доказываютъ, что въ призывѣ народовъ ко всеобщему миру и возбужденіи войны изъ-за захватовъ чужихъ земель нѣтъ никакого противорѣчія. И дипломаты на утонченномъ французскомъ языкѣ печатаютъ и рассылаютъ циркуляры, въ которыхъ подробно и старательно доказываютъ,—хотя и знаютъ, что никто имъ не вѣритъ,—что только послѣ

всѣхъ попытокъ установить мирныя отношенія (въ дѣйствительности всѣхъ попытокъ обмануть другія государства), русское правительство вынуждено прибѣгнуть къ единственному средству разумнаго разрѣшенія вопроса, т. е. къ убійству людей. И то же самое пишутъ японскіе дипломаты. Ученые, историки, философы, съ своей стороны сравнивая настоящее съ прошедшимъ и дѣлая изъ этихъ сопоставленій глубокомысленные выводы, пространно разсуждаютъ о законахъ движенія народовъ, объ отношеніи желтой и бѣлой рассы, буддизма и христіанства; и на основаніи этихъ выводовъ и соображеній оправдываютъ убійство христіанами людей желтой расы. Точно такъ же ученые и философы японскіе оправдываютъ убійство людей бѣлой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять другъ друга и не останавливаясь ни передъ какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказываютъ, что и правы, и сильны, и во всѣхъ отношеніяхъ хороши только русскіе, а неправы, и слабы, и дурны во всѣхъ отношеніяхъ всѣ японцы, а также дурны и всѣ тѣ, которые враждебны или могутъ быть враждебны русскимъ — англичане, американцы, — что точно такъ же по отношенію русскихъ доказывается японцами и ихъ сторонниками.

И не говоря уже о военныхъ, по своей профессіи готовящихся къ убійству, толпы такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей, ничѣмъ и никѣмъ къ этому не побуждаемыхъ, какъ профессора, земскіе дѣятели, студенты, дворяне, купцы, выражаютъ самыя враждебныя, презрительныя чувства къ японцамъ, англичанамъ, американцамъ, къ которымъ они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и безъ всякой надобности выражаютъ самыя подлыя, рабскія чувства передъ царемъ, къ которому они, по меньшей мѣрѣ, совершенно равнодушны, увѣряя его въ своей безпредѣльной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человѣкъ, признаваемый руководителемъ 130-милліоннаго народа, постоянно обманываемый и поставленный въ необходимость противорѣчить самому себѣ, — вѣрить и благодарить и благословляетъ на убійство войско, которое онъ

называетъ своимъ, для защиты земель, которыя онъ еще съ меньшимъ правомъ можетъ называть своими.

Всѣ подносятъ другъ другу безобразныя иконы, въ которыя не только никто изъ просвѣщенныхъ людей не вѣритъ, но которыя безграмотные мужики начинаютъ оставлять, всѣ въ землю кланяются передъ этими иконами, цѣлуютъ ихъ и говорятъ высокопарно-лживыя рѣчи, въ которыя никто не вѣритъ.

Богачи жертвуютъ ничтожныя доли своихъ безнравственно нажитыхъ богатствъ на дѣло убійства или на устройство помощи въ дѣлѣ убійства, и бѣдняки, съ которыхъ правительство собираетъ ежегодно два миллиарда, считаютъ нужнымъ дѣлать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждаетъ и поощряетъ толпы праздныхъ гулякъ, которые, расхаживая съ портретомъ царя по улицамъ, поютъ, кричатъ ура и подъ видомъ патриотизма дѣлаютъ всякаго рода безчинства. И по всей Россіи, отъ дворца до послѣдняго села, пастыри церкви, называющей себя христіанской, призываютъ того Бога, который велѣлъ любить враговъ, Бога—Любовь, на помощь дѣлу дьявола, на помощь челоуѣкоубійству.

И одуренные молитвами, проповѣдями, воззваніями, процессіями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысячъ людей однообразно одѣтые съ разнообразными орудіями убійства, оставляя родителей, женъ, дѣтей, съ тоской на сердцахъ, но съ напущеннымъ молодечествомъ, ѣдутъ туда, гдѣ они, рискуя смертью, будутъ совершать самое ужасное дѣло: убійство людей, которыхъ они не знаютъ, и которые имъ ничего дурного не сдѣлали. И за ними ѣдутъ врачи, сестры милосердія, почему-то полагающія, что дома они не могутъ служить простымъ, мирнымъ, страдающимъ людямъ, а могутъ служить только тѣмъ людямъ, которые заняты убійствомъ другъ друга. Остающіеся же дома радуются извѣстіямъ объ убійствѣхъ людей и, когда узнаютъ, что убитыхъ японцевъ много, благодарятъ за это кого-то, кого они называютъ Богомъ.

И все это не только признается проявленіемъ высшихъ чувствъ, но люди, воздерживающіеся отъ такихъ проявленій, если они пытаются образумить людей,

считаются измѣнниками, предателями и находятся въ опасности быть обруганными и избитыми озвѣрѣвшей толпой людей, не имѣющихъ въ зациту своего безумія и жестокости никакого иного орудія, кромѣ грубаго насилія.

III.

Война образуетъ людей, перестающихъ быть гражданами и дѣлающихся солдатами. Ихъ привычки выдѣляютъ ихъ изъ общества, ихъ главное чувство есть преданность начальнику, они въ лагеряхъ приучаются къ деспотизму, къ тому, чтобы достигать своихъ цѣлей насиліемъ и играть правами и счастьемъ ближнихъ; ихъ главное удовольствіе: бурныя приключенія, опасности. Мирныя труды имъ противны.

Война сама собою производитъ войну и продолжаетъ ее безъ конца. Побѣдившій народъ, опьяненный успѣхомъ стремится къ новымъ побѣдамъ; пострадавшій же народъ, раздраженный поражениемъ, сѣмшитъ возстановить свою честь и свои потери.

Народы, озлобленные другъ противъ друга взаимными обидами, желаютъ другъ другу униженія, разоренія. Они радуются тому, что болѣзни, голодь, нужда, пораженія,—постигаютъ враждебную страну.

Убіство тысячъ людей вмѣсто состраданія вызываетъ въ нихъ восторженную радость: города освѣщаются иллюминаціями и вся страна празднуетъ.

Такъ огрубѣваетъ сердце человѣка, и воспитываются его худшія страсти. Человѣкъ отрывается отъ чувствъ симпатіи и гуманности.

Чаннингъ.

Наступилъ возрастъ военной службы, и всякій молодой человѣкъ долженъ подчиняться не имѣющимъ объясненія приказаніямъ негодая или невѣжды: онъ долженъ повѣрять, что благородство и величіе состоятъ въ томъ, чтобы отказаться отъ своей воли и сдѣлаться орудіемъ воли другого, рубить и быть рубимымъ, страдать отъ голода, жажды, дожда и холода, быть пскалѣченнымъ, не зная зачѣмъ, безъ другого вознагражденія, какъ чарка водки въ день сраженія и обѣщаніе неосязаемой и фиктивной вещи—безсмертія послѣ смерти, и славы, которую даетъ или въ которой отказываетъ газетчикъ своимъ перомъ, сидя въ теплой комнатѣ.

Выстрѣлъ. Онъ раненый падаетъ. Товарищи доканчиваютъ его, топчя ногами. Его закапываютъ полуживого, и тогда онъ можетъ

наслаждаться безсмертіемъ. Товарищи, родные забываютъ его; тотъ, кому онъ отдалъ свое счастье, свое страданіе и свою жизнь, никогда не зналъ его. И послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кто-нибудь отыскиваетъ его поблѣвшія кости и изъ нихъ дѣлаетъ краску и англійскую ваксу, чтобы чистить сапоги его генерала.

Альфонсъ Карръ.

Они берутъ человѣка во всей силѣ, въ лучшую пору молодости, даютъ ему въ руки ружье, на спину ранецъ, а голову его отмѣчаютъ кокардой, потомъ говорятъ ему: „Мой собратъ, государь такой-то, дурно обошелся со мной, и потому ты долженъ нападать на всѣхъ его подданныхъ; я объявилъ имъ, что ты такого-то числа явись на ихъ границу, чтобы убивать ихъ...“

„Ты, можетъ быть, по неопытности подумаешь, что наши враги—люди, но это не люди, а пруссаки, французы; ты будешь отличать ихъ отъ человѣческой породы по цвѣту ихъ мундира. Постарайся исполнить какъ можно лучше твою обязанность, потому что я, оставаясь дома, буду наблюдать за тобой. Если ты побѣдишь, то когда вы возвратитесь, я выйду къ вамъ въ мундирѣ и скажу: солдаты, я доволенъ вами... Въ случаѣ, если ты останешься на полѣ сраженія, что весьма вѣроятно, я пошлю свѣдѣнія о твоей смерти твоему семейству, чтобы оно могло оплакивать тебя и наследовать послѣ тебя. Если ты лишись руки или ноги, я заплачу тебѣ, что онѣ стоятъ. Если же ты останешься живъ и будешь уже негоденъ, чтобы носить ранецъ, я дамъ тебѣ отставку, и ты можешь идти пздыхать, гдѣ хочешь, это до меня не касается“.

Клодъ Тилле.

И я понялъ дисциплину, именно то, что капралъ всегда правъ, когда онъ говоритъ съ солдатомъ, сержантъ, когда онъ говоритъ съ капраломъ, унтеръ-офицеръ, когда онъ говоритъ съ сержантомъ и т. д. до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два — пять! Сначала это трудно понять, но пониманію этого помогаетъ то, что въ каждой казармѣ виситъ табличка, и ее прочитываютъ, чтобы уяснить свои мысли. На этой табличкѣ написано все то, что можетъ желать сдѣлать солдатъ, какъ напрымѣръ, возвратиться въ свою деревню, отказаться отъ исполненія службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за все это обозначены наказанія: смертная казнь или пять лѣтъ каторжной работы.

Эркманъ-Шатрианъ.

Я купилъ негра, онъ мой. Онъ работаетъ, какъ лошадь: я плохо кормлю его, такъ же одѣваю, и бью его, когда онъ не слушается. Что же тутъ удивительнаго? Развѣ мы лучше обращаемся съ своими солдатами? Развѣ они не лишены свободы такъ же, какъ этотъ негръ? Разница только въ томъ, что солдатъ стоитъ гораздо дешевле. Хорошій негръ стоитъ теперь по крайней мѣрѣ 500 экю, хорошій солдатъ едва 50. Ни тотъ, ни другой не можетъ уйти съ того мѣста, гдѣ ихъ держатъ; и того и другого бьютъ за малѣйшую ошибку; жалованье почти одинаковое, но негръ имѣетъ преимущество передъ солдатомъ въ томъ, что не подвергается опасности свою жизнь, а проводитъ ее съ своей женой и дѣтьми.

(Questions sur l'Encyclopedie, par des amateurs, Art. Esclavage).

Точно какъ будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотенъ другихъ писателей, съ большой силой обличавшихъ бессмысленность, ненужность войны и изображавшихъ ея жестокость, безнравственность, дикость и, главное, точно какъ будто не было Христа и его проповѣди о братствѣ людей и любви къ Богу и людямъ.

Вспомнишь все это и согласишься вокругъ себя на то, что дѣлается теперь, и испытываешь ужасъ уже не передъ ужасами войны, а передъ тѣмъ, что ужаснѣе всѣхъ ужасовъ, передъ сознаниемъ безсилія человѣческаго разума.

То, что единственно отличаетъ человѣка отъ животного, то, что составляетъ его достоинство,—его разумъ,—оказывается ненужнымъ, бесполезнымъ, даже не бесполезнымъ, а вреднымъ придаткомъ, только затрудняющимъ всякую дѣятельность, вродѣ какъ узда, сбившаяся съ головы лошади и путающаяся въ ея ногахъ и только раздражающая ее.

Понятно, что язычникъ грекъ, римлянинъ, даже средневѣковый христіанинъ, не знавшій евангелія и слѣпо вѣровавшій во всѣ предписанія церкви, могъ воевать и, воюя, гордиться своимъ военнымъ знаніемъ; но какъ можетъ вѣрующій христіанинъ или даже невѣрующій, но весь невольнo проникнутый христіанскими идеалами братства людей и любви, которымъ

воодушевлены произведенія философовъ, моралистовъ, художниковъ нашего времени, какъ можетъ такой человѣкъ взять ружье или стать къ пушкѣ и цѣлиться въ толпы ближнихъ, желая убить ихъ какъ можно больше?

Ассиріяне, римляне, греки могли быть увѣрены, что, воюя, поступаютъ не только согласно съ своей совѣстью, но совершаютъ даже доброе дѣло. Но вѣдь, хотимъ мы или не хотимъ этого, мы христіане, и христіанство, какъ бы оно ни было извращено, общій духъ его, не могъ не поднять насъ на ту высшую ступень разума, съ которой уже мы не можемъ не чувствовать всѣмъ существомъ своимъ не только безумія, жестокости войны, но совершенной противоположности всему, что мы считаемъ хорошимъ и должнымъ. И потому мы не можемъ дѣлать того же не только увѣренно, твердо и спокойно, но безъ сознанія своей преступности, безъ отчаяннаго чувства того преступника убійцы, который, начавъ убивать свою жертву и сознавая въ глубинѣ души преступность начатаго дѣла, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть въ состояніи докончить ужасное дѣло. Все это неестественное, лихорадочное, горячее, безумное возбужденіе, охватившее теперь праздные верхніе слои русскаго общества, есть только признакъ сознанія преступности совершаемаго дѣла. Всѣ эти наглыя, лживыя рѣчи о преданности, обожаніи монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), всѣ эти обѣщанія отстаиванія грудью чужой земли, всѣ эти бессмысленныя благословенія другъ друга разными стягами и безобразными иконами, всѣ эти молебны, всѣ эти приготовленія простынь и бинтовъ, всѣ эти отряды сестеръ милосердія, всѣ эти жертвы на флотъ и Красный Крестъ, отдаваемыя тому правительству, прямая обязанность котораго въ томъ, чтобы, имѣя возможность собирать съ народа, сколько ему нужно денегъ, объявивъ войну, завести нужный флотъ и нужныя средства перевязки раненыхъ, всѣ эти славянскія, напыщенныя, бессмысленныя, и кощунственныя молитвы, произнесеніе которыхъ въ разныхъ городахъ газеты сообщаютъ, какъ про важную новость, всѣ эти шествія, требованія гимна,